

В.Н. Титов

д.э.н, ведущий научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» ИПЭИ РАНХиГС (Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ МОДЕЛИ¹

Аннотация. В статье на концептуально-теоретическом уровне рассмотрен спектр исследовательских подходов к понятию человеческого потенциала, а также эволюция его восприятия в условиях различных социально-экономических контекстов. Актуальность работы исходит из того, что задачи развития человеческого потенциала на групповом и общественном уровнях представляются неоспоримыми; при этом подходы к определению и анализу данного концепта в научной литературе достаточно разнообразны. В работе рассматривается концепция человеческого капитала с точки зрения экономического подхода и расширение её дискурса вследствие новых трендов социально-экономического развития. Структурируются ограничения классической модели человеческого капитала. Проблематика человеческого потенциала, определяемого в том числе в эволюционной динамике концептуально-теоретических разработок, включается в общее актуальное контекстуальное пространство. Также предметом рассмотрения выступают факторы формирования человеческого потенциала в условиях современной России.

Ключевые слова: *человеческий потенциал, человеческий капитал, население, человеческие возможности, экономическая теория, информационное общество.*

JEL: A12, A13, I00, J00

УДК: 316.4, 331.1

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_189_201

© В.Н. Титов, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Титов В.Н. Эволюция представлений о человеческом потенциале: от экономической теории к междисциплинарной модели // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 189–201. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_189_201.*

FOR CITATION: *Titov V. Evolution of Ideas about Human Potential: from Economic Theory to Interdisciplinary Models // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 189–201. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_189_201.*

Важность развития и всесторонней оценки уровня человеческого потенциала представляется неоспоримой. В последние десятилетия и в исследовательском пространстве, и на уровне общественного дискурса сложился консенсус относительно того, что человеческий потенциал населения во многом определяет перспективы развития любой страны как в актуальный период, так и на достаточно длительном временном горизонте. При этом значительное число подходов к рассмотрению человеческих возможностей, а также эволюция этих подходов с течением времени актуализируют комплексную характеристику категории человеческого потенциала в социальных науках.

¹ Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Концепции человеческого капитала: экономический подход

Классическая теория человеческого капитала [Becker, 1962; Schultz, 1960; Schultz, 1961; Mincer, 1958; Mincer, 1962] рассматривает образование и здоровье как инвестиции, обеспечивающие рост производительности и доходов. Однако уже в конце XX в. стало очевидно, что изменения характера экономики требуют расширения первоначальной концептуальной модели.

По мере постепенного перехода от индустриального к постиндустриальному обществу с характерными для него тенденциями (бурное развитие сектора услуг; разрыв в спросе и в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда; экспансия профессионального образования; изменение роли образовательных дипломов и степеней [Grusky, 2001]), стали меняться и содержательные требования к качеству человеческого капитала. Становление с 1980-х гг. нового технологического уклада ознаменовалось появлением так называемой «информационной работы», требующей новых компетенций, связанных с данными.

В 1990-х гг. стали появляться работы, посвящённые влиянию неэкономических факторов на экономический рост. Фокус внимания при исследовании экономического развития смещается к использованию новых индикаторов человеческого капитала (демографических и социокультурных) [Mulligan, Sala-i-Martin, 1997]. В рассматриваемый период происходит разделение компетенций на жёсткие (hard skills) (например, абстрактное мышление, способность создавать и работать с письменными текстами, навыки математического счёта и работы на компьютере) и мягкие (soft skills) (работа в команде, лидерство, коммуникативные навыки и т. п.).

Однако в рамках экономической теории человеческого капитала, развивавшейся в логике «методологического индивидуализма», недостаточное внимание уделялось влиянию исторического, экономического, социально-культурного и институционального контекста. Между тем именно параметры внешней среды во многом определяют формирование спроса на качественные и количественные характеристики человеческих возможностей.

В работах, посвящённых человеческому капиталу, постоянно ставится вопрос о соответствии тех или иных его качеств базовым характеристикам социума. При этом наблюдается широкий диапазон описания структурных, институциональных, социокультурных параметров. В научной литературе присутствует значительное многообразие понятий, относящихся к современному обществу (постиндустриальное, постфордистское, постсовременное (постмодерн), цифровое, общество знаний т.п.). Это нередко затрудняет составление некоего универсально приемлемого перечня востребованных с этой точки зрения человеческих качеств.

В рамках концепций постиндустриального общества фиксируется изменение структуры занятости и характера труда. Ещё в 1962 г. Даниэл Белл предложил концепт «постиндустриального общества» [Белл, 2004], в котором основная занятость концентрируется в сфере услуг, а труд приобретает информационный характер. В этих условиях формируется новый тип работника — «информационный работник», обладающий развитыми коммуникативными навыками, профессиональными знаниями и специализированными компетенциями.

Развивая сходные идеи, Элвин Тоффлер в концепции «Третьей волны» также рассматривает трансформацию требований к работнику в условиях перехода к новому типу общества [Тоффлер, 2004]. В нём на лидирующее место выходит широко понимаемая «гибкость» как ключевая характеристика трудовой и социальной организации. Это проявляется в разнообразии форм занятости (включая, в частности, временную и частичную), а также в гибких графиках работы. Произшедшие изменения сопровождаются ростом требований к таким качествам, как ответственность, инициатива, способность к решению

проблем, адаптивность к изменяющимся условиям, коммуникативность и готовность к командной работе.

Во многом близкие характеристики нового типа работника представлены и в работах Роберта Райха и Мануэля Кастельса. Согласно концепции Райха [Reich, 1991], ключевую роль приобретают «символические аналитики» — специалисты, работающие с информацией и знаниями в глобальных сетях, чья деятельность связана с созданием добавленной стоимости посредством использования аналитических, креативных и организационных компетенций. К ключевым характеристикам данного типа работников относятся системное и абстрактное мышление, готовность к сотрудничеству, способность к быстрому освоению новых компетенций и непрерывному переобучению, а также самостоятельное выстраивание профессионально-образовательной траектории. В свою очередь, Кастельс рассматривает востребованность подобных компетенций как следствие более масштабной трансформации экономики, связанной с переходом к «информационному капитализму» [Кастельс, 2000]. По его мнению, развитие информационных технологий и сетевых структур радикально меняет организацию экономики и бизнес-процессов, формируя новый тип «информационного» работника. Его деятельность носит индивидуализированный характер и требует практико-ориентированного образования, а также набора «конвертируемых навыков», включающих коммуникативные способности, умение работать в команде, навыки решения проблем, адаптивность и готовность к непрерывному обучению [Уэбстер, 2004].

Существенное значение в анализе трансформации труда имеет также теория регулирования, в рамках которой описывается переход от фордистского режима накопления (1945–1973 гг.) к постфордистскому (М. Аглиетта, А. Липиц) [Aglietta, 1979; Lipietz, 1987]. Постфордистская модель связывается с усилением неолиберальных тенденций, глобализацией и изменением организационных форм производства. В этот период наблюдается расширение аутсорсинга, сокращение численности персонала и переход к гибким формам занятости, технологической основой которой выступают развитие информационной инфраструктуры, автоматизация и роботизация производственных процессов. Центральной характеристикой постфордизма становится принцип гибкости, проявляющейся на институциональном уровне: в формах занятости, оплате труда, организации рабочего времени и трудового процесса.

Таким образом, развитие экономических представлений о человеческом капитале сопровождалось постепенным расширением перечня его значимых характеристик. Если первоначально акцент делался преимущественно на образовании и здоровье как факторах роста производительности труда, то в условиях постиндустриальной экономики в структуру человеческого капитала были включены когнитивные, коммуникативные и адаптивные компетенции, обеспечивающие успешное функционирование человека в условиях гибкого, информационно насыщенного и быстро меняющегося рынка труда.

Расширение концепции человеческого капитала

Постепенное расширение перечня характеристик человеческого капитала сопровождалось пересмотром представлений о природе знания, труда и роли человека в современном обществе. Существенный вклад в этот процесс внесли исследования представителей постмодернизма, критической социальной теории и концепций цифрового капитализма.

Тема воздействия на человека социокультурных реалий современного постиндустриального общества в [последствиях] представлена в работах таких видных представителей постмодернизма, как Жан Бодрийяр, Жан-Франсуа Лиотар и Марк Постер и др. Например, Лиотар полагает, что знание и информация претерпели глубокие изменения. Производство знаний всё чаще ограничивается их практической востребованностью и

эффективностью, и с данными характеристиками знаний связано также то, что они становятся товаром. В эпоху постмодерна функция производства знаний во всё возрастающей степени осуществляется исследовательскими центрами, принадлежащими частным корпорациям, а роль университетов снижается. Использование в отношении знания критериев эффективности и товарности ведёт к иному пониманию истины, которая, в таком случае, должна определяться через категорию полезности. Цифровизация экономики, образа жизни и процесса обучения приводит к тому, что наиболее важными навыками становится умение обращаться с соответствующими базами данных, а не багаж знаний сам по себе [Lyotard, 1993].

Критический подход к анализу постсовременного (постиндустриального, информационного) общества представлен в работах Зигмунта Баумана [Бауман, 2002; Бауман, 2008], Скотта Лэша и Джона Юрри [Lash, Urry, 1987], Дэвида Харви [Харви, 2024] и других исследователей. Так, З. Бауман описывает постсовременное общество как «текущее», т. е. общество, отличающееся повышенной нестабильностью, чувством ненадёжности, которые порождаются свёртыванием модели государства всеобщего благосостояния. Повышение уровня неопределённости существования, падение доверия к институтам и государству в целом также интенсифицируют тенденции к индивидуализации и формированию культуры самореализации. В контексте требований рынка труда это означает набор таких качеств, как постоянный рост квалификации, готовность отождествлять себя с бизнес-целями работодателя, готовность брать на себя ответственность и гибко реагировать на меняющиеся требования. Таким образом, воспроизводимый культурой идеал самореализации — одно из выражений проникновения экономических императивов во все сферы социальной деятельности. Индивидуализм перестаёт быть субъективным выбором и всё больше стимулируется внешним социальным давлением.

Осмыслению социально-экономических последствий динамичного развития цифрового капитализма посвящены работы Джуди Вайсман [Вайсман, 2019], Шошаны Зубофф [Зубофф, 2022], Ника Срничека [Срничек, 2019]. Вайсман рассматривает проблему влияния развития цифровых технологий на образ жизни современного человека, выделяя в качестве ключевой проблемы временной фактор: наличие свободного времени у одних групп и рабочая перегруженность, ограничивающая свободное время для досуга, — у других; возникновение «культуры переработок» как противоположности «праздности»; размывание модели стандартной рабочей недели; культ многозадачности. Цифровой капитализм вынуждает индивида из соображений конкуренции находиться на круглосуточной связи, посвящая свободное время самообучению и повышению конкурентных навыков, что ставит под сомнение «освободительную функцию» информационно-коммуникационных технологий.

Описывая цифровой капитализм, Срничек отмечает, что в его рамках труд становится всё более нематериальным, ориентированным на манипуляции с символами и ощущениями [Срничек, 2019]. В этой новой экономике традиционный промышленный рабочий класс неизбежно уступает место новому классу — «когнитаритату», специалистам в сфере знаний. Цифровые платформы представляют собой новую форму капитализма, сохраняющую все родовые признаки этой системы. Эта новая бизнес-форма объединяет в себе основные предшествующие тренды: бережливое производство, аутсорсинг, систему «точно вовремя», привлечение на работы, требующие низкой квалификации, внешних подрядчиков, удержание в компаниях только представителей хорошо оплачиваемого ядра высококвалифицированного персонала.

От человеческого капитала к человеческому потенциалу

Эволюция концепции человеческого капитала в связи с исторической трансформацией экономики и социума детально проанализирована в работах Василия Аникина [Аникин, 2017]. Отмечая вклад классических исследований в области человеческого

капитала на этапе позднеиндустриального общества, учёный полагает, что уже на этапе раннего постиндустриального общества начали складываться объективные предпосылки расширенного понимания человеческого капитала, который должен включать не только инвестиции в образование и здоровье, но также некогнитивные компетенции, общий уровень культуры и этические установки.

Вклад в отечественные исследования категории «человеческий потенциал» как экономической категории внесла Ирина Соболева. В её трактовке эта категория объединяет самые разные качества человека — его способности, знания, опыт, навыки, состояние здоровья, морально-этические устои и т.д., которые могут применяться и в трудовой, и в предпринимательской, и в социальной сфере, прямо или косвенно воздействуя на её результаты [Соболева, 2007]. Она последовательно выступает с позиции, согласно которой анализ именно человеческого потенциала позволяет выявить синергетические эффекты межличностного взаимодействия и рассматривать человека как носителя перспективных потребностей, дающих импульс экономическому развитию [Соболева, 2022].

Теоретическое осмысление понятия «человеческий потенциал» получило существенное развитие и в работах других отечественных исследователей. Так, Александром Асмоловым была предложена преадаптивная модель человеческого потенциала, возрождающая гуманистический пафос рассмотрения человека как цели, а не как средства, и опирающаяся на принципы поддержки разнообразия, ценностей индивидуальности (а не технократизма), приоритета достоинства (а не полезности) человека и качества его повседневной жизни [Асмолов, Гусельцева, 2019].

Одним из ключевых ограничений классической модели человеческого капитала является недостаточное внимание к институциональным условиям его формирования. Возможности развития и реализации человеческого капитала определяются не только индивидуальными характеристиками человека, но и качеством институтов, в рамках которых происходит его образование, профессиональное развитие и социальная реализация. В этой связи Наталья Плискевич [Плискевич, 2022] обращается к концепции порядков открытого и ограниченного доступа, предложенной Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. На основе положений данной концепции отмечается, что задача формирования новой модели человеческого потенциала, выходящей за рамки классической теории человеческого капитала (и предполагающей движение по пути формирования институтов открытого доступа), не может быть успешно решена без обеспечения консенсуса и согласования действий между основными акторами — элитой, «креативным классом» и основными массами населения. Однако на пути решения триединой задачи (формирование новой модели человеческого потенциала — развитие институтов открытого доступа — обеспечение консенсуса между основными группами социальных акторов) может возникнуть препятствие в виде «промежуточных выгодоприобретателей» — влиятельных групп интересантов, имеющих доступ к власти, контролю и распределению ресурсов, и извлекающих значительные ренты из порядка ограниченного доступа. В случае если «промежуточные выгодоприобретатели» смогут заручиться поддержкой со стороны массовых слоёв населения, склонных к воспроизводству традиционалистских установок и испытывающих на себе негативные последствия модернизационных преобразований, формирование институтов открытого доступа и соответствующего типа «сложного» человека может быть заблокировано, «заморожено» в состоянии, дающем наибольшую выгоду именно «промежуточным выгодоприобретателям».

Тема влияния институциональной структуры российского общества на развитие человеческих возможностей находит отражение и в последующих публикациях Плискевич [Плискевич, 2023]. Автор подчёркивает сложность взаимозависимости человеческого потенциала общества и среды, окружающей человека, которая создаёт запросы на необходимые изменения в качестве человеческого потенциала. Внимание обращается на необходимость

рассмотрения проблематики человеческого потенциала в непосредственной взаимосвязи с изучением институциональных и социокультурных возможностей и ограничений, возникающих на пути его развития и реализации. Вызовы, обусловленные объективными тенденциями формирования нового постиндустриального, цифрового общества, требуют адекватного ответа — формирования нового типа «сложного» человека — личности, которая по своим качествам будет соответствовать современным тенденциям развития социума и той научно-технической реальности, в которую он погружён. Человеческий потенциал «сложной» личности, адекватной императивам «сложного» информационного общества, должен складываться не только из специальных знаний и навыков, подверженных в условиях динамичных изменений быстрому устареванию, но и из глубоких общекультурных и гуманитарных знаний, широких интересов и ценностных этических установок.

Отдельное внимание уделяется рассмотрению системы образования, непосредственно отвечающей за формирование человеческого потенциала в условиях перехода к новому технологическому укладу. Отмечается, что в современных условиях система образования ориентирована прежде всего на формирование специальных компетенций, в которых испытывают потребность работодатели на рынке труда, тогда как развитию общекультурных компетенций уделяется значительно меньшее внимание. При этом система образования анализируется в контексте общей институциональной и социокультурной среды общества, находящейся в зависимости от «предшествующего пути развития», а также от взаимного влияния институциональных структур и социокультурных отношений. Например, заимствование Россией «Болонской системы» оказалось на практике примером имитационного поверхностного копирования отдельных элементов, без понимания взаимосвязанности этих элементов в рамках целостной парадигмы. Критика сложившейся институциональной структуры российской образовательной системы также затрагивает внедрение коммерческого и менеджериального подходов к функционированию высшего образования, а также отсутствие связи между качеством образования и последующим трудоустройством и карьерным ростом выпускников.

Напряжение между вновь внедряемыми институтами и устоявшимися в обществе нормами, рост общего недовольства из-за несоответствия между ожидаемыми от модернизационных перемен благами и реальными возможностями их получения в данной конкретной ситуации, нередко становятся основаниями для упрощения реформ, позволяя на время стабилизировать систему, но лишая её необходимой динамики, что чревато стагнацией. Одним из тормозящих факторов на пути формирования человеческого потенциала, отвечающего требованиям времени, может стать также чрезмерно забюрократизированная система государственного управления и отсутствие действенной коммуникации между гражданским обществом и властью.

Одной из важных обобщающих работ, посвящённых проблематике человеческого потенциала, стала коллективная монография «Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований», подготовленная в НИУ ВШЭ и объединившая усилия более 50 авторов — социологов, психологов, демографов, экономистов, специалистов в области педагогики, управления, географии и других дисциплин. Это позволило получить комплексное представление о человеческом потенциале и современных проблемах и перспективах его развития в России. В рамках данной статьи особый интерес представляет глава, подготовленная Марией Сушенцовой и Василием Аникиным, где анализируется генезис концепции человеческого потенциала в экономической науке [Сушенцова, Аникин, 2023]. Рассматривая в качестве ядра понятия человеческого потенциала концепцию «возможностей» А. Сена (в дальнейшем развиваемую Джеймсом Хекманом [Heckman, Corbin, 2016], предложившим дополнить «внешние» способности анализом «внутренних» способностей — навыков), авторы отмечают, что для формулировки понятия человеческого потенциала с точки зрения экономической науки необходимо в равной мере обращать внимание

как на средства достижения цели, так и на содержание самих целей, которое позволяет понять представления экономических агентов о благе. При этом понимание блага как материального благополучия должно быть дополнено вопросом его распределения.

Таким образом, если первоначально теория человеческого капитала была ориентирована преимущественно на оценку отдачи от инвестиций в образование и профессиональную подготовку, то в дальнейшем, с развитием концепции человеческого потенциала, и содержание понятия «человеческий капитал» существенно расширилось и оно стало включать в себя когнитивные и некогнитивные (социальные и психоэмоциональные) навыки, определяющие достижение благополучия. Нельзя также не отметить, что И.Соболева нередко критикует современные тенденции расширительного толкования понятия «человеческий капитал», связанные с изменениями в экономическом и технологическом развитии, переходом к экономике знаний, цифровизации не только производственной, но и многих других видов деятельности, возрастанием роли нематериальных активов и т.п. [Соболева, 2022].

Некогнитивные навыки и личностный потенциал

Особое внимание в современных условиях стало уделяться некогнитивным навыкам, связанным со способностью действовать в условиях неопределённости, а также с «внутренними» характеристиками личности, отвечающими за самостоятельность человека. В статье Павла Сорокина и Екатерины Позднуховой, обзор дискуссий вокруг понятия человеческого потенциала представлен с позиции социологии [Сорокин, Позднухова, 2023]. Предлагается расширенный подход, согласно которому «человеческий потенциал» включает все характеристики, которые ранее рассматривались как компоненты «человеческого капитала». Но авторы дополняют их и другими «стратегическими активами» человека: некогнитивными навыками, ценностями и мотивациями, а также трансформирующей агентностью, под которой понимается способность к независимому действию и проактивной трансформации окружающей социальной среды [Кузьминов, Сорокин, Фрумин, 2019]. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволил авторам подтвердить вывод об отсутствии общепринятой трактовки человеческого потенциала, что затрудняет его операционализацию и определение эмпирических индикаторов. В этой связи человеческий потенциал предлагается рассматривать как комплексную категорию, включающую не только факторы формирования, содержание и эффекты его компонентов, но и механизмы воздействия этих компонентов на окружающий мир.

Значительное внимание некогнитивным составляющим человеческого потенциала уделяется и в работах российских экономистов [Гимпельсон, Зудина, Капелюшников, 2020]. Как показывают результаты исследований, индивиды при одинаковых уровнях образования и опыта могут быть неодинаково производительны и заметно различаться по получаемому вознаграждению. Отсюда делался вывод о том, что могут существовать дополнительные характеристики индивидов, которые влияют на их заработки. В составе некогнитивных навыков выделяются локус контроля и «большая пятерка»: открытость новому, добросовестность, экстраверсия, способность к согласию, эмоциональность. Полученные результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязей между отдельными чертами и социально-демографическими характеристиками людей, что подтверждает результаты зарубежных разработок и свидетельствует о том, что некогнитивные характеристики человеческих возможностей в современных российских условиях значимо связаны с показателями жизненного успеха и ориентацией на достижения.

В работах Дмитрия Леонтьева предпринимается попытка определить место личностного потенциала в общей структуре человеческого потенциала [Леонтьев, 2013; Леонтьев, 2016; Леонтьев, 2023]. Личностный потенциал понимается как способность человека

действовать, руководствуясь собственными целями и смыслами, не поддаваясь внутренним импульсам или давлению внешней среды. В психологическом контексте личностный потенциал раскрывается через категории жизнеспособности — способности преодолевать неблагоприятные внешние условия — и саморегуляции, понимаемой как процесс управления собственными психологическими состояниями. Личностный потенциал обеспечивает способность человека действовать в условиях неопределённости, готовность к непредвиденным вызовам, саморегуляцию и переход от мотивации к действию. Реализация этого потенциала обеспечивается совокупностью психологических ресурсов, позволяющих достигать поставленных целей.

Таким образом, современное понимание человеческого потенциала выходит за пределы когнитивных характеристик и включает некогнитивные навыки, ценностно-мотивационные установки, агентность и личностный потенциал, в совокупности определяющие способность человека эффективно действовать в условиях неопределённости.

Формирование человеческого потенциала: основные факторы и условия

Российские исследователи уделяют значительное внимание вопросам методологии оценки и измерения человеческого потенциала. В частности, предлагается рассматривать данную проблематику в непосредственной взаимосвязи с темами благополучия и качества жизни [Воронина и др., 2023]. При этом человеческий потенциал анализируется по логике: «содержание — факторы и среда формирования — эффекты». К содержательным компонентам человеческого потенциала относятся здоровье, образование и субъективное благополучие; к факторам формирования — система образования, трудовые условия, инфраструктура, безопасность, жилищные условия, экология, бюджет времени, личные и гражданские права, досуг; а к эффектам — доход и экономическое положение.

Эмпирические исследования, выполненные Аникиным, показывают, что накопление человеческого потенциала и отдача от него существенно различаются между профессиональными группами и типами поселений, а также в зависимости от характера инвестиций [Аникин, 2018]. Анализ на основе модифицированного уравнения Минцера показывает, что, наряду с характеристиками рабочих мест, важную роль играют образование родителей, условия ранней социализации, социально-демографические особенности домохозяйств и пространственная неоднородность. При этом одним из ключевых факторов распределения человеческих возможностей и экономических благ в современной России остаётся проживание в мегаполисах, что отражает влияние сложившихся институциональных диспропорций и стимулирует внутреннюю миграцию без соответствующего роста инвестиций в человеческий капитал.

Комплексный анализ человеческого капитала и человеческого потенциала представлен в коллективной монографии, подготовленной под руководством Натальи Тихоновой [Тихонова и др., 2023]. Важно, что авторы, прежде всего Тихонова, в своей работе уделили специальное внимание проблеме уточнения понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» в связи со всё большим значением в современной экономике тех аспектов трудовой деятельности, которые ранее считались исключительно сферой «человеческого потенциала». Этим объясняется и вынесение «человеческого капитала» в название монографии. Однако при этом и термин «человеческий потенциал» не отвергается. Причём даётся чёткое объяснение того, почему в тех или иных случаях применён или один, или другой термин: «Это связано не только с проблематичностью в ряде случаев строгого доказательства капитализации изучаемых человеческих качеств, но и с сознательной установкой авторов книги на выход за рамки чисто экономического подхода» [Там же. С. 25].

В центре внимания авторов находится выделенная ими отдельная социальная группа — «профессионалы», человеческие возможности которой рассматриваются как один из ключевых факторов формирования общества знаний и повышения конкурентоспособности страны. При этом подчёркивается особое место профессионалов в системе экономических и социальных отношений, так как эта группа характеризуется не только высоким образовательным потенциалом, но и не обременена организационными проблемами, бесспорно важными, но относящимися скорее к деятельности руководителей или предпринимателей. А потому именно эта группа способна стать наиболее креативной частью нарождающейся экономики. При этом авторы особо подчёркивают, что преимущества профессионалов должны проявляться не только в относительно высоких доходах, но и в других аспектах жизни, делая её насыщеннее и богаче. Таким образом, монография объединяет теоретические подходы, методологию измерения как человеческого капитала, так и человеческого потенциала, а также результаты эмпирических исследований, охватывая вопросы социально-профессиональной структуры, внутригрупповой дифференциации, социальной успешности и роли досуговой активности в развитии человеческого потенциала.

Авторы монографии отмечают, что получив развитие в междисциплинарных исследованиях, концепция человеческого потенциала стала использоваться не только для анализа индивидуальных характеристик, но и для исследования социальных условий. Исследователи приходят к выводу, что недостаточный уровень развития человеческих возможностей и несоответствие характеристик некоторых из них требованиям постиндустриального общества, а также слабо выраженный уровень социальной субъектности российских профессионалов, позволяют рассматривать их как своеобразный «протокласс», противоречиво сочетающий «индустриальные» и «постиндустриальные» социальные характеристики. К числу важных результатов относится также то, что возможности российских профессионалов лишь в незначительной степени формируются за счёт дополнительного образования, что провоцирует развитие процессов устаревания знаний. Существенное влияние на накопление человеческого потенциала оказывают семейные ресурсы — культурный и социальный капитал, а также материальное положение домохозяйств в формирующих возрастах. При этом связь между человеческим потенциалом и успешностью оказывается неоднозначной: значительную роль продолжают играть поселенческое неравенство и семейные характеристики. Основным барьером на пути повышения качества человеческого потенциала являются институциональные особенности рынка труда, порождающие относительно низкий спрос на знаниеёмкие рабочие места [Тихонова и др., 2023].

Исследованию человеческого потенциала в контексте пространственного неравенства посвящена работа Владимира Бобкова, Николая Долгушкина и Елены Одинцовой [Бобков, Долгушкин, Одинцова, 2023]. Авторы анализируют различия в условиях формирования и реализации человеческого потенциала городского и сельского населения. Полученные результаты свидетельствуют, что соответствующие различия по показателям долголетия и образовательного потенциала относительно невелики, тогда как наиболее выражена дифференциация в отношении уровня жизни. Существенные различия наблюдаются и в условиях реализации образовательного потенциала. Узость сегмента достойно оплачиваемых рабочих мест в сельской местности стимулирует внутреннюю миграцию, тогда как цифровое неравенство, связанное с более низкой цифровой грамотностью и ограниченным доступом к интернету, дополнительно ограничивает возможности формирования и реализации человеческого потенциала.

* * *

В заключение следует отметить, что предложенная в рамках экономической науки и ставшая классической теория человеческого капитала по мере её дальнейшего развития и трансформации стала привлекать возрастающее внимание других наук об обществе

и человеке (социологии, психологии, педагогики, культурологии). К настоящему времени наблюдается заметная тенденция, предполагающая стремление исследователей если не заменить концепт человеческого капитала, то, по крайней мере, обогатить его содержание за счёт расширенной версии человеческого потенциала. В то же время присущий экономической теории «методологический индивидуализм» не позволяет в полной мере учитывать влияние контекстуальных факторов (институты, культура, социальная структура) формирования человеческого потенциала. Кроме того, следует учитывать историческую динамику, связанную с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, и потребовавшую, помимо теоретически знаний и практических компетенций, обратить внимание на такие составляющие человеческого потенциала, которые связаны с личностными психологическими особенностями, общекультурными и социально-коммуникативными компетенциями.

Значительный вклад в рассмотрение проблематики контекстуальных факторов, способствующих и препятствующих формированию человеческого потенциала, внесли представители постмодернизма, критической теории, теории цифрового капитализма, а также сторонники новой институциональной теории. В настоящее время концепция человеческого потенциала всё более привлекает отечественных исследователей в качестве приемлемой альтернативы классической версии человеческого капитала, о чём свидетельствует обзор проведённых теоретических изысканий и эмпирических работ. Это обусловлено не только традиционно присущими отечественным наукам об обществе гуманистическими установками, но и осознанием несводимости сложной природы человека к ограниченному набору измеряемых параметров, сложностью тех проблем и задач, которые возникают на современном этапе развития общества и могут быть решены только «сложной» личностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В.А. (2017). Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // *Экономическая социология*. Т. 18. № 4. С. 120–156. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156.
- Аникин В.А. (2018). Человеческий капитал в посткризисной России: состояние и отдача // *Журнал институциональных исследований*. Т. 10. № 2. С. 90–117. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117.
- Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. (2019). Генерирование возможностей: от человеческого капитала к человеческому потенциалу // *Образовательная политика*. № 4 (80). С. 6–16.
- Бауман З. (2002). *Индивидуализированное общество*. — М.: Логос.
- Бауман З. (2008). *Текущая современность*. — СПб.: Питер.
- Белл Д. (2004). *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. — М.: Academia.
- Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. (2023). Неравенство человеческого потенциала и условий его реализации в городе и на селе: риски и возможности // *Вестник Российской академии наук*. Т. 93. № 6. С. 556–565. DOI: 10.31857/S086958732306004X.
- Вайсман Д. (2019). *Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме*. — М.: Дело.
- Воронина Н.Д., Михайлова Н.С., Нагерняк М.А., Овчарова Л.Н., Тер-Акопова С.А. (2023). Комплексные подходы к измерению благополучия и качества жизни с учётом показателей человеческого потенциала // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований* / Под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. — М.: ВЦИОМ. С. 143–163.
- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. (2020). *Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные*. Препринт WP3/2020/02. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Зубофф Ш. (2022). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Кастельс М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. — М.: ГУ ВШЭ.
- Кузьминов Я., Сорокин П., Фрумин И. (2019). Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // *Форсайт*. Т. 13. Спецвып. №2. С. 19–41.
- Леонтьев Д.А. (2013). Личностное измерение человеческого развития. // *Вопросы психологии*. № 3. С. 67–80.
- Леонтьев Д.А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // *Сибирский психологический журнал*. № 62. С. 18–37. DOI: 10.17223/17267080/62/3

- Леонтьев Д.А. (2023). Личностный потенциал как составляющая человеческого потенциала // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований* / Под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. — М.: ВЦИОМ. С. 50–65.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества*. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Плискевич Н.М. (2022). Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации // *Мир России*. № 3. С. 33–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53.
- Плискевич Н.М. (2023). *Институциональная структура современной России как источник вызовов человеческому потенциалу: Доклад*. — М.: Институт экономики РАН.
- Соболева И.В. (2007). *Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития*. — М.: Наука.
- Соболева И.В. (2022). Риски подхода с позиций человеческого капитала для устойчивого развития // *Экономическое возрождение России*. № 1. С. 120–128.
- Сорокин П.С., Позднухова Е.А. (2023). «Человеческий потенциал»: оптика социологии // *Образовательная политика*. № 2 (94). С. 45–55. DOI: 10.22394/2078-838X-2023-2-45-55.
- Срничек Н. (2019). *Капитализм платформ*. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Сушенцова М.С., Аникин В.А. (2023). Человеческий потенциал: оптика экономики // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований* / Под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. — М.: ВЦИОМ. С. 9–25.
- Тихонова Н.Е., Латов Ю.В., Латова Н.В., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2023). *Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы*. — М.: ФНИСЦ РАН.
- Тоффлер Э. (2004). *Третья волна*. — М.: Издательство АСТ.
- Уэбстер Ф. (2004). *Теории информационного общества*. — М.: Аспект Пресс.
- Харви Д. (2024). *Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений*. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Aglietta M. (1979). *A Theory of Capitalist Regulation: The U.S. Experience*. — London: New Left Books.
- Becker G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. // *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Pp. 9–49.
- Grusky D.B. (2001). The Past, Present, and Future of Social Inequality // D.B. Grusky (Ed.). *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. — Boulder: Westview Press. Pp. 3–51.
- Heckman J., Corbin C. (2016). *Capabilities and Skills*: NBER Working Paper No. 22339. — Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Lash S., Urry J. (1987). *The End of Organised Capitalism*. — Cambridge: Polity Press.
- Lipietz A. (1987). *Mirages and Miracles: The Crisis of Global Fordism*. — London: Verso.
- Lyotard J.-F. (1993). *Political Writings*. Translated by Bill Readings and Kevin Paul Geiman. — London: UCL Press.
- Mincer J. (1958). Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *The Journal of Political Economy*. Vol. 66. No. 4. Pp. 281–302.
- Mincer J. (1962). On-the-Job Training: Costs, Returns, and Some Implications // *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Pp. 50–79.
- Mulligan C.B., Sala-i-Martin X. (1997). A Labor Income-Based Measure of the Value of Human Capital: An Application to the States of the United States // *Japan and the World Economy*. Vol. 9. No. 2. Pp. 159–191.
- Reich R.B. (1991). *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism*. — N. Y.: Vintage Books.
- Schultz T.W. (1960). Capital Formation by Education // *The Journal of Political Economy*. Vol. 68. No. 6. Pp. 571–583.
- Schultz T.W. (1961). Investment in Human Capital // *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 1. Pp. 1–17.

REFERENCES

- Aglietta M. (1979). *A Theory of Capitalist Regulation: The U.S. Experience*. — London: New Left Books.
- Anikin V.A. (2017). Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations // *Journal of Economic Sociology*. Vol. 18. No. 4. Pp. 120–156. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156. (In Russ.).
- Anikin V.A. (2018). Human Capital in Post-Crisis Russia: Status and Impact // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10. No. 2. Pp. 90–117. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117. (In Russ.).
- Asmolov A.G., Guseltseva M.S. (2019). Space of Opportunities: From Human Capital to Human Potential // *Educational Policy*. No. 4 (80). Pp. 6–16. (In Russ.).
- Bauman Z. (2002). *The Individualized Society*. — Moscow: Logos. (In Russ.).
- Bauman Z. (2008). *Liquid Modernity*. — SPb.: Piter. (In Russ.).
- Becker G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Pp. 9–49.
- Bell D. (2004). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. — М.: Academia.

- Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odintsova E.V. (2023). Inequality of Human Potential and Conditions for Its Realization in Urban and Rural Areas: Risks and Opportunities. // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 93. No. 6. Pp. 556–565. DOI: 10.31857/S086958732306004X (In Russ.).
- Castells M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. — M.: Higher School of Economics. (In Russ.).
- Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapelyushnikov R.I. (2020). *Non-Cognitive Components of Human Capital: What Russian Data Show*. Working Paper WP3/2020/02. — Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Grusky D.B. (2001). The Past, Present, and Future of Social Inequality // D.B. Grusky (Ed.). *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. — Boulder: Westview Press. Pp. 3–51.
- Harvey D. (2024). *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. — M.: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Heckman J., Corbin C. (2016). *Capabilities and Skills*: NBER Working Paper No. 22339. — Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Kuzminov Ya., Sorokin P., Frumin I. (2019). Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice // *Foresight*. Vol. 13. Special Issue. No. 2. Pp. 19–41. (In Russ.).
- Lash S., Urry J. (1987). *The End of Organised Capitalism*. — Cambridge: Polity Press.
- Leontiev D.A. (2013). The Personality Dimension of Human Development. // *Voprosy psikhologii*. No. 3. Pp. 67–80. (In Russ.).
- Leontiev D.A. (2016). Autoregulation, Resources, and Personality Potential. // *Siberian Journal of Psychology*. No. 62. Pp. 18–37. DOI: 10.17223/17267080/62/3 (In Russ.).
- Leontiev D.A. (2023). Personal Potential as a Component of Human Potential. / *Human Potential: Modern Interpretations and Research Results*. Ed. by L.N. Ovcharova, V.A. Anikin, P.S. Sorokin. — M.: Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Pp. 50–65. (In Russ.).
- Lipietz A. (1987). *Mirages and Miracles: The Crisis of Global Fordism*. — London: Verso.
- Lyotard J.-F. (1993). *Political Writings*. Translated by Bill Readings and Kevin Paul Geiman. — London: UCL Press.
- Mincer J. (1958). Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *The Journal of Political Economy*. Vol. 66. No. 4. Pp. 281–302.
- Mincer J. (1962). On-the-Job Training: Costs, Returns, and Some Implications // *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Pp. 50–79.
- Mulligan C.B., Sala-i-Martin X. (1997). A Labor Income-Based Measure of the Value of Human Capital: An Application to the States of the United States // *Japan and the World Economy*. Vol. 9. No. 2. Pp. 159–191.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).
- Plishevich N.M. (2022). Institutions, Values, and Human Potential in the Context of Contemporary Modernization // *Mir Rossii*. No. 3. Pp. 33–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53 (In Russ.).
- Plishevich N.M. (2023). *The Institutional Structure of Contemporary Russia as a Source of Challenges to Human Potential*: Report. — M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Reich R.B. (1991). *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism*. — N. Y.: Vintage Books.
- Schultz T.W. (1960). Capital Formation by Education. // *The Journal of Political Economy*. Vol. 68. No. 6. Pp. 571–583.
- Schultz T.W. (1961). Investment in Human Capital. // *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 1. Pp. 1–17.
- Soboleva I.V. (2007). *Human Potential of the Russian Economy: Problems of Preservation and Development*. — M.: Nauka. (In Russ.).
- Soboleva I.V. (2022). Risks of human capital approach to sustainable development // *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii*. No. 1. Pp. 120–128. (In Russ.).
- Sorokin P.S., Pozdnukhova E.A. (2023). «Human Potential»: Optics of Sociology // *Educational Policy*. No. 2 (94). Pp. 45–55. DOI: 10.22394/2078-838X-2023-2-45-55 (In Russ.).
- Srnicek N. (2019). *Platform Capitalism*. — M.: HSE Publishing House.
- Sushentsova M.S., Anikin V.A. (2023). Human Potential: An Economic Perspective. // *Human Potential: Modern Interpretations and Research Results*. Ed. by L.N. Ovcharova, V.A. Anikin, P.S. Sorokin. — M.: Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Pp. 9–25. (In Russ.).
- Tikhonova N.E., Latov Yu.V., Latova N.V., Karavay A.V., Slobodenuk E. L. (2023). *Human Capital of Russian Professionals: State, Dynamics, Factors*. — Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Toffler A. (2004). *The Third Wave*. — M.: AST Publishing House. (In Russ.).
- Vaisman D. (2019). *Out of Time: The Pleasures and Perils of Acceleration*. — M.: Delo.
- Voronina N.D., Mikhailova N.S., Nagerniyak M.A., Ovcharova L.N., Ter-Akopova S.A. (2023). Comprehensive Approaches to Measuring Well-Being and Quality of Life Considering Human Potential Indicators // *Human Potential: Modern Interpretations and Research Results* / Ed. by L.N. Ovcharova, V.A. Anikin, P.S. Sorokin. — Moscow: Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Pp. 143–163. (In Russ.).
- Webster F. (2004). *Theories of the Information Society*. — M.: Aspekt Press. (In Russ.).
- Zuboff Sh. (2022). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. — M.: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.).

Титов Владимир Николаевич

ORCID: 0000-0002-7185-2070

titov-vn@ranepa.ru

Vlagimir Titov

Dr. Sci. (Econ), Leading Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

ORCID: 0000-0002-7185-2070

titov-vn@ranepa.ru

EVOLUTION OF IDEAS ABOUT HUMAN POTENTIAL: FROM ECONOMIC THEORY TO INTERDISCIPLINARY MODELS²

Abstract. The article reviews conceptually and theoretically the range of research approaches to the concept of human potential and evolution of its perception under different socio-economic contexts. The relevance of the study is based on the fact that development of human potential at group and society levels is unquestionable, however approaches to definition and analysis of this concept are quite various in scientific literature. The article examines the concept of human capital from economic perspective and enlargement of its discourse as a result of new trends of socio-economic development. Limitations of human capital classic model are structured. The issue of human potential defined in evolutionary dynamics of conceptual and theoretical developments is involved in general actual contextual space. The subject of consideration are the factors of human potential development in modern Russia.

Keywords: *human capabilities, human potential, human capital, population, economic theory, informational society*

JEL: A12, A13, I00, J00.

² This article was prepared within the framework of the state assignment of RANEPa.